

Павел КАЛЕБИН (псевдоним) — писатель и блогер. Родился в Подмоскowie. Член МГО Союза писателей России. В прошлом — офицер спецслужб, криминалист. Первый рассказ опубликован в 1991 г. в журнале «Фортуна», г. Рига. Автор нескольких романов, вышедших в издательстве «Букмастер» (серии «Отражение», «Бестселлер»), а также рассказов и других публикаций на сетевых порталах. Автор романов: «Обреченные на жизнь», «Формула пророчества», «Рассвет, который наступит», «Черный графолог», «Тайна подписи N», «Настоящие деньги».

КАМНИ И БАБОЧКИ

(фантастическая новелла)

На опушке леса звучала прекрасная музыка, в торжественном органном ритме которой можно было разобрать звуки и пронзительных скрипок, и величественных арф, и печальных флейт... Волшебная, необыкновенная музыка! Неудивительно, что несколько красивых пар, собравшихся здесь в этот воскресный день на пикничок, не сговариваясь, поднялись с травы и закружились в танце, позабыв о наполненных вином хрустальных бокалах.

Особенно выделялась одна пара. С какой трогательной нежностью они смотрят друг на друга! С каким изяществом двигаются! — читалось восхищение в глазах друзей, теплые улыбки которых солнечными зайчиками порхали вокруг.

Наклонив голову, Он прошептал ей на ухо:

*В мелодии плавной, ласкающей нас,
Мы в вечности готовы закружиться,
Мелькая в резких гранях тех хрустальных ваз,
Которым предстоит еще разбиться...*

— Почему... «разбиться»? — подняла она на него огромные глаза, в которых мелькнул мимолетный испуг.

— Не знаю... — улыбнулся он. — Просто хорошая рифма.

— Это нехорошая рифма! — надула Она чувственные губки, по которым, правда, вскоре пробежала озорная улыбка. — Пойдем в лес? — вдруг предложила она своему партнеру по танцу.

— В лес? — удивленно переспросил тот.

— Ну, да, в лес. В самую-самую темную чащу!

— Но зачем?

— Говорят, — Она продолжила танец, приподнявшись на мысочки, как балерина, что позволило ее губам приблизиться к уху возлюбленного, — в лесу, — заговорила она заговорщицки, — где-то недалеко отсюда, есть одна удивительная солнечная поляна, где растет невероятно вкусная земляника.

— Земляничная поляна?

— Да. Но не просто земляничная. Земляника там на вкус — будто божественный нектар. А размеры каждой ягодки такие, что с одной можно приготовить небольшую баночку самого вкусного в мире варенья!

— Как аппетитно ты говоришь! — улыбнулся Он.

— Ну так пошли?

— Да... Но как отнесутся к этому наши друзья? Нам ведь придется покинуть их. Еще подумают невесть что!

— Они поймут...

— Думаешь?

— Уверена. Они ведь наши друзья.

— Ну... — он крепче приобнял ее за талию, — тогда на раз-два-три, раз-два-три — вальсируем, незаметно двигаясь к лесу. Ну а потом — за кустик, за елочку, за березоньку, и будем таковы!

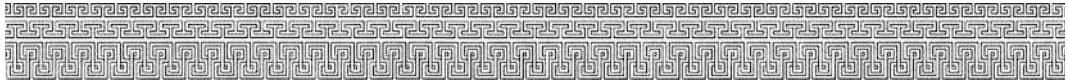
— Это просто гениальный план! — отметила Она и наградила возлюбленного нежным поцелуем, бархатно скользнув губами по его щеке.

— Раз-два-три... — начал Он.

— Раз-два-три... — подхватила Она.

И вскоре они оказались в глубине леса. Музыка здесь звучала уже совершенно иная, но, тем не менее, она казалась по-своему красивой. Мелодичными волнами по высоким кронам прокатывался шелест листы, а со всех сторон слышались голоса необыкновенного пернатого хора, каждый участ-

ник которого считал себя солистом и даже мысли не имел уступить партию кому-нибудь другому.

— Как здесь хорошо! — с восхищением вздохнула Она, пьянея то ли от избытка кислорода, то ли от близости любимого, с которым ей наконец-то удалось оказаться наедине.

— Да, здорово! — согласился Он, на секунду горячо сжав своей сильной рукой ее нежную ладошку. — Да только где же та твоя сказочная поляна? Что-то не вижу я ее. Совершенно не вижу. Дальше лес только гуще.

На пути их тем временам встали заросли кустарника.

— Ну что? Возвращаемся или будем продираться? — осведомился Он с такой решимостью в голосе, что не приходилось сомневаться: отступить — не в его правилах!

— Будем продираться! — с не меньшей уверенностью заявила Она. — Нас ждет наша земляничная поляна!

— Береги глаза, — предупредил ее Он, после чего, прокладывая дорогу своей грудью, отважно ринулся вперед.

Колючки царапали им кожу, ветви больно били по щекам, но парочка упорно двигалась вперед, к своей заветной цели. Когда кустарник, наконец, закончился, нехотя выпустив их из своих цепких объятий, глазам влюбленных открылось удивительное зрелище: огромный луг, покрытый камнями. Тысячи, миллионы черных гладких камней! Все они были странной, на редкость правильной круглой формы, размером от юркого шарика для пинг-понга до солидного бильярдного шара.

— Что это? — удивленно спросила Она.

— Н-не знаю, — неуверенно проговорил Он, бросив настороженный взгляд на небо, неожиданно потемневшее. — С полной уверенностью могу сказать лишь одно: это — не земляничная поляна. Если, конечно, ты не имела в виду под словом «земляника» обыкновенные булыжники.

— Нет, я говорила о самой настоящей землянике... Но все же, разве это обыкновенные булыжники? Смотри, какие они все странные...

— Камни как камни, — пожал плечами Он.

— Не скажи. Я где-то слышала, что камни — живые существа. А нам кажутся неодушевленными лишь по той причине, что живут они в другом измерении, где время движется совершенно иначе. Чтобы услышать их, нужно только поверить в это и представить, что ты тоже камень, а каждый твой

вдох длится не секунды, а сотни лет. Другими словами, необходимо попасть в резонанс с тем измерением, в котором живут камни, — пояснила она.

Он не поверил ей и махнул рукой, снисходительно улыбнувшись:

— Ах, солнце мое, что за ерунду ты говоришь?

— Не веришь? — Она рассмеялась. — Не веришь? А я тебе сейчас докажу!

— И как же?

Она наклонилась и подняла один из камней.

— Вот, сейчас я с ним буду говорить. Устрою ему интервью.

— Милая, — смотрел Он на нее влюбленными глазами, — да перед твоей красотой ни один камень не устоит, дыханье твое вдохнет жизнь даже в то, в чем ее не может быть по определению... В этом я даже не сомневаюсь. Но вот заставить мыслить камень... Наличие головы, на которую этот твой камень, надо признать, весьма походит, вовсе не означает обязательного присутствия в ней мозгов.

— Сейчас проверим, — Она поднесла камень к уху и сделала вид, что слушает его.

— Ну? — проявил нетерпение ее спутник.

— Тс-с, — произнесла Она, — кажется, я слышу — он что-то бормочет.

— Ха! И что же, у него за голос? Тенор? Баритон?

— Напрасно смеешься, — Она игриво нахмурила бровки. — Камень жалуется, что у него нет голоса.

— Как же тогда ты его слышишь?

— Он общается со мной телепатически. Мысленно. Мысли — это единственное, чего у него не смогли отобрать.

— Кто не смог отобрать?

— Не знаю. Сейчас попробую разузнать у него, — Она еще крепче прижала свое ушко к холодной поверхности камня и, послушав немного, сказала: — Камень желает, чтобы и ты внимал ему.

— Я? — удивленно переспросил Он. — Но как? У меня не столь развиты навыки телепатии, как у тебя, да и, если честно, воображение мое, по сравнению с твоим, тоже не на высоте.

Но Она настаивала, протягивая ему камень:

— Ты только попробуй!

Деваться ему было некуда, и он не менее десяти секунд честно грел своим ухом холодный булыжник. Но больше выдержать не смог.

— Я ничего не слышу, дорогая! Лучше пойдём отсюда. Смотри, что-то небо хмурится...

— Тсс! — ответила Она. — Ты ещё не настроился на его волну. Давай попробуем вместе, как в танце, на раз-два-три. На раз — глубокий вдох, на два — выдох, на три — снова вдох. И при этом старайся мысленно слиться с этим камнем...

Они одновременно прижались головами к камню и закрыли глаза.

— И, раз, — тихо произнесла Она, делая вдох.

— И, два, — на выдохе, отозвался Он.

— И, три...

Он, кажется, начал понимать, для чего Она затеяла эту странную игру. Цель её — просто разнообразить их близость, тонкую, неосязаемую близость, когда в твоей голове вдруг появляются мысли любимой, а в её милую головку плавно перетекают твои мысли. Сердца стучат в унисон, дыхание попадает в такт... О, это величайшее, безмерное наслаждение! А Она — фантазерка — решила этому высочайшему процессу духовной близости добавить остроты посредством использования дополнительного предмета, игрушки... Холодный, мертвый камень. Ах, как это необычно и ново!

— И, раз...

— И, два...

— И, три...

Неожиданно в уши обоих ворвался тяжёлый, протяжный звук, будто стон, вырвавшийся из груди больного.

— Почему ты так вздохнул? — озабоченно прошептала она, не открывая глаз, но все ещё не отрывая уха от камня.

— Это не я, — ответил Он.

— Как не ты? А тогда кто?

И оба тут же услышали несколько жутковатый, скрипучий голос:

— Яаа.

Они одновременно отстранились от камня и со страхом и изумлением уставились на него, держа на вытянутых руках.

— Готов поклясться, дорогая, это произнес твой камень... — попытался пошутить Он. Но шутка не удалась, голос его сорвался.

Она же вообще была не в силах что-либо произнести. Между тем, чей-то чужой, неприятный голос, скрежеща, вползал в головы их обоих:

— Яаа. Это вздохнул яаа... Не бойтесь! Не бойтесь! — набирал обороты скрип таинственного голоса. — И не выбрасывайте меня, умоляю, не отпускайте... Дайте, дайте сказать мне хотя бы пару слов! Тысячелетие безмолвного сна, и вот — такой сюрприз! Два любящих друг друга живых сердца, сами того не подозревая, подарили и мне импульс жизни. Спасибо, спасибо вам... О, как я долго молчал! Это невыносимо... Это самое страшное из всех кар — молчать!

— Простите, вы... живой? — набралась смелости задать мысленный вопрос камню Она.

Камень ответил уклончиво:

— Не знаю, как доступнее объяснить... Мое недавнее состояние, наверное, было бы наиболее правильным определить как анабиоз. Да, совершенно верно. До сего благодного момента я пребывал в самом настоящем анабиозе. Как и весь мой народ, собственно...

Камень вдруг замолчал, словно погрузившись в тяжелые воспоминания.

— Вы прилетели из космоса? — осмелился задать вопрос необыкновенному камню Он, ибо ему доводилось слышать истории о посланцах иных миров, многие века назад якобы посетивших планету; а еще — камень этот весьма походил на самый обыкновенный метеорит.

— О, нет, — наконец подал голос камень, — мы, увы, не дети звезд. Природа наша совершенно земная. Когда-то я, как и каждый из собратьев моих, имели руки, ноги, головы... Только вот как звали нас, того не помню. Как-то это успели выбить из нас перед погружением в анабиоз. Что-то на букву «л», кажется. Или «ч»...

— И что же с вами произошло? — задала мысленный вопрос камню Она. — Вас заколдовал злой колдун?

— Что-то типа того, — на той же мысленной волне ответил ей камень. — Хотя, если брать по большому счету, во всем виноваты мы сами. Жили одним днем, ни о своем будущем, ни о будущем потомков своих не думая. Тысячи лет орали: «Хлеба и зрелищ!» «Вся наша жизнь — игра!»... Идиоты! — камень с грустью вздохнул. — Так вот, на чем я остановился?

— Вы сказали «идиоты», — вежливо напомнил ему Он.

— Ах, да, — спохватился камень, — ну не идиоты ли? Поиграли в вече и форумы да и не придали значения, что каждый акт подобных игр заканчивается появлением на теле народа нашего некоего отвратительного прыща, что сразу же начинает тужиться подчинить своей власти остальных и повелевать ими...

Ну, порода такая у них была, гнойная. И вот каждый такой прыщ брался народишко наш тасовать да причесывать на свое самоличное прыщавое усмотрение.

Перво-наперво, разумеется, всех, как стадо, принялись стогнать в некие точки, концентрировать в определенных местах. Акрополи, резервации, гетто, зоны, концентрационные лагеря да и обычные города... Ну, это где дома в сто этажей и друг друга никто не знает. Каждый дом — барак, поставленный на попу. Каждая квартира — ячейка тараканья, куда всем предписали забиться по самое не балуясь и выставили на счетчики.

А чтобы не вякал народишко, сперва глушили его барабанами, потом громкой маршевой музычкой площади полнили, ну а опосля уже наушниками уши заткнули. Ведь оно как: коли собственного голоса не слышишь, так и говорить охота быстро отпадет. В общем, забыли мы, что такое голос, а чуть позже, за ненадобностью, так и вообще языки всем подрезали: кому под принуждением, кому добровольно, ну а иные и не заметили того даже...

Потом дело до глаз дошло. Их принялись замыливать нам голубым стеклом, серая муть за которым казалась всем расчудесным сияньем. Тем же, кто ужасался всему этому и очередного прыща с его идиотской инициативой выдавить руками хотел, руки-то эти и пообрубали. Тем, кто сбежать хотел, ноги усекли. Некоторым, правда, у кого мечта хоть какая-нибудь завалиющая была, удалось улететь в дальние края. Но мало, чрезвычайно мало оказалось их, мечтою окрыленных. И что случилось потом с ними, того я не ведаю. Всех же оставшихся посчитали, каждому по несколько номеров присвоили — пинь, инь и мобилинь — да и форматнули, гады, до сегодняшнего нашего наиболее безопаснейшего для прыщей состояния: не живые — не мертвые; не слепые — не зрячие; не остроуголые, треугольные, там, али квадратные — а кругленькие-кругленькие, единообразные и безопасные...

Цивилизация наша достигла вроде бы абсолютного совершенства: все в едином месте, одинаковые, безмолвные. Единственное, размеры у нас разные были, по прошлым заслугам: кто сколько у других массы украсть успел, то за ним законодательно и официально вполне и закрепили. В остальном же — всеобщее равенство!

И сочли тогда прыщи наши, что за достижение сего чуда достойны они вознесения к самим светочам космическим, и принялись строить из нас, безмолвных, пирамиду высоченную, в облака устремленную, дабы на макушке ее опочивальню себе устроить. И слова молвить им поперек и мысли не имел никто, ведь всем внушено было, что — вот оно, наше объединяющее будущее: Великая ПИРАМИДА! Один за всех — все за одного! — под чутким присмотром

великих прыщей и их недремлющего Ока. Но вдруг ужасная беда, друзья мои, приключилась... — камень горестно вздохнул. — Настал судный день, Апокалипсис. Всем хороша пирамида вышла, да вот только по форме каждый ее кирпичик оказался круглым, ни с кем рядом существующим ни малейшей сцепки не имеющим. Цепляться-то шарик у просто нечем! Но это мало кого волновало. Грозовые тучи и фантастические замки облаков рассеяли в однородно серую пелену, радуго закрасили, все вольные ветра в заточение под землю упекли, а землетрясения просто запретили особым Указом. Штиль да благодать вроде бы у нас воцарились! Но как-то, по слухам, в нашу Зону незаконно пролетело некое странное крылатое создание — маленькое на фоне пирамиды, но нелогично красивое. И откуда только оно взялось?! Хотя вроде бы чего оно бояться-то — такую кроху? И не таких прихлопывали! Да только едва лишь цветочный аромат с прекрасных крыл создания этого ветерком легким на Великую Пирамиду нашу повеял, как и случилось то, что случилось... Рухнула пирамида от ветерка того, обратившись в груды ничемных камней, таких вот бедолаг, как я...

Здесь камень замолчал.

— Какая печальная история! — заметила Она.

А Он осведомился у камня:

— Но почему тогда вы не желаете вновь возвести ту странную пирамиду?

— Как-ак? — простонал камень. — Ведь теперь мы — просто камни... Вот лежим тут, ждем, когда новый Прыщ средь нас созреет, вот тогда, может, еще и выйдет что. А пока только и остается нам — анабиоз...

Тем временем почти уже затянувшееся серым небо наконец-то сумели прорезать солнечные лучи. Едва один из них скользнул по камню, как тот умолк — и, судя по всему, уже навсегда. А может, и не говорил он ничего во все. И в самом деле, разве камни умеют говорить? Может, просто Она, начитавшись древних сказок, выдумала это странное интервью, а Он, из любви к ней, умело подыграл. Но отбросили они потом этот камень от себя одновременно и с каким-то особым чувством брезгливого страха — далеко-далеко, к собратьям, приобщив того к их всеобщему анабиозу.

Ну а сами Он и Она, расправив доселе аккуратнo сложенные за спинами, узорчатые, голубовато-розовые крылья, вспорхнули с каменного луга двумя гигантскими, ослепительно красивыми людьми-бабочками и, взмыв над лесом, воспарили над его кронами в поисках своей земляничной поляны...

Летать рожденный ползти не может!

2014

